

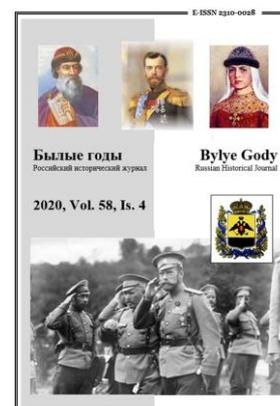
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2765-2776. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2765
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Fundamental Changes in the Traditional System of the Kazakhs-Nomads in the Context of the Colonial Policy of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): Factors and Consequences

Nursan A. Alimbay^{a,*}, Bolat K. Smagulov^b

^a Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (MES RK), Republic of Kazakhstan

Abstract

The article analyzes the main factors and consequences of radical changes in the traditional land use system of Kazakh nomads. In this regard, we consider a set of socio-economic and administrative-legal measures aimed at colonization of Kazakh lands in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. The analysis of various sources shows that these factors led to the destruction of the traditional land use system of nomads. This is reflected in the fact that, on the one hand, sharply reduced the area under pasture, with another – practically destroyed a centuries-old traditional ways of exploitation of fodder and water resources of tribal areas. As a result, there were strong changes in the structure of social relations in the nomadic environment. At the same time, special attention is paid to the study of "Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the expedition to explore the steppe regions", organized by the Russian authorities during 1896–1902. At the same time, the process of the expedition survey of Kazakh farms and the materials collected as a result of this event are considered not only as a unique source, but also as an integral part of the measures that served as an economic justification for the seizure by the Russian authorities of the so-called "surplus" lands from Kazakh nomads. The source base of the article consists of a variety of data from both Kazakh and Russian archives, official periodicals, as well as statistical information and materials contained in various publications of the period under review. Based on the analysis of these categories of sources, it is concluded that the colonization of Kazakh lands had an impact on various aspects of the life of the Kazakh society. At the same time, the colonization of Kazakh lands objectively had positive aspects, which were expressed, first of all, in the emergence and establishment of a settled way of life in almost all regions of the Kazakh territory.

Keywords: history of Kazakhstan, nomadic society, colonization of land, resettlement of peasants, Cossack colonization, traditional land use system, Kazakh economy, administrative-legal and economic-territorial reforms, expedition to survey the steppe regions, land "surplus".

1. Введение

В конце XIX – начале XX веков казахское общество переживало период глубоких изменений во всех сферах своей жизнедеятельности, особенно в системе землепользования, являющейся основой основ хозяйственно-экономической жизни кочевников. Это обстоятельство объясняется, в первую очередь, активной переселенческой политикой российских властей в Степном крае. Происходившие изменения в землепользовании имели ряд долгосрочных последствий, особенно в социально-экономической сфере казахского социума. Вследствие изъятия земель, приведшего к резкому сужению пастбищных угодий, основного естественного системообразующего фактора стабильного

* Corresponding author

E-mail addresses: burgan555@gmail.com (N.A. Alimbay), bolat_alemdar@mail.ru (B.K. Smagulov)

функционирования жизненного пространства кочевников, часть местного населения была вынуждена перейти к полукочевому, изредка и к оседлому образу жизни. И как следствие этого появились новые социальные категории и сферы производственной деятельности, например так называемые «жатаки» (буквально «оседавшие люди»), занимавшиеся обработкой земли. Особенно усилилось отходничество: образовавшиеся вследствие этого явления отходники представляли собой сезонную рабочую силу. Большинство из них были заняты на низкоквалифицированных работах на русских заводах и фабриках по переработке и изготовлению хозяйственных и бытовых изделий (кожевенные изделия, мыло, домашняя утварь, сельскохозяйственный инвентарь, рабочая одежда и др.), часть работала на угле- и железодобывающих рудниках, выполняя разнообразные низкооплачиваемые виды производственных функций и т.д. Так, в Иргизском уезде было 42,2 % отходников, Тургайском – 58,5 %, Кустанайском – 60 %, Актюбинском – 45 % (Бекмаханов, 1957: 279).

Данные и другие подобные изменения в жизни кочевников были подготовлены всем ходом процесса колонизации Казахского края в предшествующие периоды распространения и утверждения имперского влияния в Степи, как уже отмечалось выше, особенно начиная со второй половины XIX в.: имеется в виду комплекс административно-правовых и хозяйственно-территориальных реформ, принятых и реализованных в указанное время. Эти меры послужили юридическим и экономическим обоснованием практической реализации колониальной политики царизма во всех сферах жизнедеятельности кочевого социума.

Как известно, процесс колонизации шел в трех направлениях – военном, казачьем и крестьянском. Последнее иногда именуется и как земельное. Из них, с точки зрения властей, по понятным причинам, наиболее важное значение имела крестьянская колонизация, по праву считавшаяся ими хозяйственно-экономической основой покорения Степи. Между тем эти, в сущности, радикальные изменения, происходившие особенно интенсивно и масштабно в 90-е гг. XIX – первом десятилетии XX вв. во всех сферах традиционного казахского социума под влиянием комплекса административно-правовых и хозяйственно-экономических мер, принятых и реализованных имперскими властями, начиная со второй половины XIX в., не получили комплексного освещения в историографии в качестве самостоятельного предмета исследования.

Цель данной статьи – выявить изменения в системе традиционного землепользования у казахов-кочевников, происходившие под влиянием активной реализации комплекса административно-правовых и землеустроительных мер в условиях переселенческой политики Российской империи в Казахской степи в указанное время.

2. Материалы и методы

Источниками для написания данной работы послужили материалы, собранные в фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК, г. Алматы), Государственного архива Акмолинской области (ГААО, г. Кокшетау), Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург), сведения из «Материалов по киргизскому землепользованию...». В документах указанных архивов содержатся важные сведения, а также свидетельства непосредственных участников и очевидцев событий, в том числе разработчиков нормативно-правовых актов, составляющих основную источниковую базу изучаемой темы. В типологическом ряду используемых источников особо выделяются известные в научных кругах указанные «Материалы...». Как известно, во второй половине 90-х годов XIX в. по распоряжению российских властей было организовано фронтальное обследование казахских хозяйств «степных областей» края с целью выявления так называемых «излишков» земель. С точки зрения царских чиновников, эти «излишки» земель составляли разряд абсолютно не используемых участков в традиционной системе казахского землепользования. Результатом многолетнего экспедиционного обследования казахского аула явились вышеуказанные «Материалы...», состоящие из тринадцати томов (напомним, что процесс обследования длился целых шесть лет: с 1896 по 1902 гг.). Они содержат обширные по объему, разнообразные в проблемно-тематическом отношении, обстоятельные по содержанию сведения. К тому же они включают в себе, по сравнению с другими видами источников (например, архивными и печатными и т.д.), более систематизированные аналитические сведения практически по всем категориям и параметрам казахских хозяйств: имеются в виду данные по так называемым «хозяйственным аулам» (или «аульным общинам»), «аульно-общинным группам», а также «административным аулам» и т.д. всех регионов степных областей Казахстана по состоянию на начало XX века. То есть и география сбора необходимого объема сведений характеризуется обширностью – охватывает практически весь основной ареал распространения кочевого типа хозяйственно-культурной деятельности. В этом смысле «Материалы...» представляют собой весьма ценный источник извлечения наиболее репрезентативной информации по интересующим аспектам рассматриваемой темы.

В статье использован диахронный метод, который, как известно, предполагает изучение исторического процесса в определенном социально-экономическом, политическом и культурном контексте. Кроме того, применен и системный метод, эвристическая сущность которого заключается в том, что традиции землепользования у кочевников рассматриваются как система взаимосвязанных

элементов (община, хозяйственный аул, аульно-общинная группа в качестве хозяйствующих корпоративных субъектов, а также экологическая культура, нормативно-правовое регулирование землепользования и т.д.). Указанные методы, на наш взгляд, дают возможность комплексного изучения темы с учетом различных факторов, повлиявших в данном случае на процесс изменения в системе землепользования у казахов-кочевников и, как следствие этого, приведших к существенной трансформации и в социальной структуре казахского социума, и в содержании и направленности хозяйственной деятельности местного населения. В силу источниковедческой специфики избранной темы основными методами организации и подачи необходимого материала выступают анализ и синтез, которые по принципу дополнительности послужили существенным подспорьем эффективной реализации указанных выше диахронного и системного методов.

3. Обсуждение

К отдельным аспектам данной темы обращались дореволюционные, советские и современные авторы (Букейханов, 2007; Тронов, 1891; Хворостанский, 1907; Галузо, 1963; Алимбай, Орынбаева, 2019 и др.). Статьи дореволюционных русских авторов второй половины XIX – начала XX веков преимущественно концентрировались на обсуждении следующих вопросов: обоснованность переселения русских крестьян в Казахскую степь (в терминологии представителей российской историографии дореволюционного периода «Киргизский край»), юридические основания и экономическая целесообразность изъятия казахских земель под крестьянские и казачьи населенные пункты и, как следствие этого, влияние переселенческой (колониальной) политики на социально-экономическое положение казахов и т.д.

Как отмечалось выше, в конце XIX – начале XX вв. российскими властями был организован ряд экспедиций для исследования хозяйств и землепользования у казахов на большей части северных, северо-восточных, восточных, северо-западных и юго-восточных регионов Казахского края во главе с известным статистиком Ф. Щербиной (Сулейменов, 1963: 105). Исследования же западных и южных районов территории Казахстана проводились выборочно. Например, отмечая выбор восточной, предгорной части Чимкентского уезда Сырдарьинской области для проведения исследований, организаторы экспедиции свою позицию обосновывали следующим образом: «Хозяйственно-статистическое исследование должно служить строго колонизационным целям. Ввиду этого необходимо было выбирать для исследования такие районы, в которых с естественно-исторической стороны не встречалось бы препятствий к образованию переселенческих участков» (Введение..., 1908: 1). Изучение казахских хозяйств проводилось методом сплошных подворных переписей, путем, как отмечалось в опубликованной в 1902 году статье Ф. Щербины «Исследования степных областей», «...установления по крайней мере количества хозяйств и населения, численности скота, основных элементов киргизского хозяйства, потребностей семей и источников их удовлетворения, форм землепользования, размеров эксплуатируемых площадей и качественных особенностей земельных угодий» (Щербина, 1902: 324).

В сущности, в данном описании обозначена политически четко выраженная предметно-целевая установка сплошного обследования казахских хозяйств, направленная в конечном счете на выявление и изъятие, как писал Ф. Щербина, «излишков земель, годных для колонизационных целей» (Щербина, 1902: 339). Однако вышеописанная методика подвергалась критике со стороны ряда как представителей российских властей, так и статистиков-исследователей. Так, Г. Чиркин в статье «Землеустройство киргиз в связи с колонизацией степи» отмечал: «Неуверенность в точности собранного материала и вполне естественная осторожность в столь сложном и ответственном деле, как установление земельных норм для впервые изучаемого полукошевого киргизского хозяйства, заставили экспедицию Щербины выработать очень широкие нормы оставляемых в пользовании киргиз (казахов – Авт.) земельных пространств» (Чиркин, 1907: 46). Далее автор в русле этой мысли последовательно проводит идею о приоритете интересов русского населения при проведении политики колонизации национальных окраин: «Право (регулировать землепользование – Авт.) государства обращается в обязанность, если такой группой, как в данном случае, является многомиллионная масса русского крестьянства» (Чиркин, 1907: 50-51).

В статье А. Успенского «Влияние колонизации на киргизское хозяйство» критике подвергаются не только нормативно-правовое обоснование норм казахского землепользования, предложенное участниками указанной экспедиции, но и мнения некоторых представителей общественности относительно негативного влияния переселения русских крестьян на социально-экономическое положение казахского населения. В частности, он писал: «Все нормы экспедиции Щербины рассчитаны на скотоводческое хозяйство и потому, как абсолютно, так и относительно являются очень высокими и во многих случаях значительно превышают размер помещичьего хозяйства Европейской России» (Успенский, 1907: 29-31). В обоснование своей позиции А. Успенский на примере Аракарагайской волости Кустанайского уезда пытается опровергнуть распространенную среди некоторых русских ученых и представителей власти мысль о том, что «поддерживаемое иногда в печати и находящее горячих сторонников среди местной администрации» мнение об отчуждении

земель под переселенческие участки неизбежно должно повлечь за собою и значительное сокращение скотоводства и обеднение (Успенский, 1907: 35).

Другой автор, Н. Петропавловский, в статье «Очерк землевладения», оперируя соответствующими сведениями о появлении казачьих и самовольных крестьянских поселений с прилегающими территориями в XIX веке, а также о действующих льготах для переселенцев, предоставленных русскими властями, выразил категорическое несогласие с тем, что причинами обеднения казахов стали исключительно изъятие земель и образование русских поселков (Петропавловский, 2007: 41-43).

Радикально настроенный ряд представителей российских властей и исследователей даже выступил против выделения каких-либо земельных норм для кочевников. Так, например, в статье «Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи» П. Хворостанский предлагает вообще отказаться от идеи поземельного устройства казахов во имя государственных интересов: «Общее землеустройство киргизского (казахского – Авт.) населения, стоящего на различных ступенях хозяйственной культуры от бродячего скотоводства до земледелия, должно быть отнесено к области фантастических проектов» (Хворостанский, 1907: 103).

Однако позиция П. Хворостанского и других близких по взглядам к ней авторов не выражала мнение либерально настроенной части русских чиновников и исследователей. Так, один из выразителей взгляда этой либеральной части русской интеллигенции Н. Петропавловский, анализируя ход колонизационных работ в Степном крае, отмечал следующее: «Давно пора позаботиться об устройстве быта киргиз (казахов – Авт.), изменить формы землевладения и землепользования их, уничтожить взяточничество и всевозможные подкупы, господствующие теперь. Только при таких условиях возможно развитие оседлости в киргизской степи; надо, чтобы киргиз (казак – Авт.) был гарантирован в своем праве на землю» (Петропавловский, 2007: 79).

В этом же русле О. Шкапский рассматривает вопрос колонизации Казахской степи в связи с решением аграрного вопроса в Европейской России. В частности, он отмечает тщетность попыток решить аграрную проблему в центральной части России через переселение в Сибирь или Казахстан (Шкапский, 1907: 115).

Позиция же казахов-кочевников получила наиболее концентрированное выражение в известной и весьма популярной в то время среди коренного населения статье А. Букейханова «Киргизы», в которой он подробно анализирует и резко критикует точку зрения ряда консервативно настроенных авторов, считавших, что предоставленные коренному населению определенные экспедицией Ф. Щербины земельных норм являются слишком обширными и излишними. В этой связи он выразил вполне обоснованное опасение, что «киргизы (казахи – Авт.) лишаются даже тех земель, которые им раньше были представлены на основании норм Щербины» (Букейханов, 2007: 28-29).

Взгляды ряда авторов на рассматриваемую проблему носили как бы промежуточный характер. В известном смысле наибольшим выразителем такой точки зрения являлся известный ученый-исследователь аграрной истории Среднеазиатско-Казахстанского региона П.П. Румянцев. Так, в статье «Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем» (Румянцев, 1909) он предлагает пополнить переселенческий земельный фонд за счет изъятия части земель, принадлежащих степной аристократии, в частности султанскому сословию, поскольку, с точки зрения автора, указанные привилегированные категории казахского общества не имеют юридических оснований для владения столь обширными земельными участками. В этой связи он писал: «...Фактический захват (казахской родовой аристократией – Авт.) известного количества государственных земель общинного использования едва ли создает юридическое право на их закрепление, в особенности, когда он не освящен исторической давностью» (Румянцев, 1909: 3). Следует отметить, что в известном смысле основанием для такого взгляда ученого на обсуждаемый вопрос послужило Степное положение 1891 года, по которому все казахи считались сословием сельских обывателей без предоставления каких-либо привилегий вне зависимости от их происхождения (Румянцев, 1909: 106-107).

Так называемая земельная (крестьянская) колонизация, особенно северных, северо-восточных, восточных, северо-западных и юго-восточных регионов Казахского края, получила отрицательную оценку и в работах советских ученых-историков. Так, в монографии Б. Сулейменова процесс территориальной колонизации Степи характеризуется как «экспроприация казахских земель» (Сулейменов, 1963: 98). Другой автор, П.Г. Галузо, подробно изучавший данный вопрос на материале юго-восточного региона (Жетысу) в контексте переселения крестьян и казаков, то есть казачьей колонизации, также достаточно негативно оценивает сам процесс изъятия так называемых «пустующих площадей» в веками сложившейся системе землепользования казахов-кочевников. Автор на обширном фактическом материале отмечает, что в военно-административных кругах Российской империи давно открыто заявлялось о целях колонизации казахских земель, подчеркивая при этом, что в процессе изъятия наиболее плодородных участков казахских земель в пользу переселенцев имеется четко выраженный «интерес прежде всего русский, национально-русский...» (Галузо, 1965: 205).

В специальной монографии санкт-петербургского ученого-специалиста в области истории и этнографии народов Центральной Азии В.П. Курьлева, посвященной традиционному скотоводству и общинным структурам казахов, вопрос колонизации территории Казахской степи рассматривается с точки зрения изменения административного управления Казахским краем во второй половине XIX века, а также существенных изменений в земельных отношениях в кочевой среде. Автор резюмирует свой анализ последствий этих реформ следующим образом: объявление всех казахских земель государственной собственностью согласно административно-политическим и хозяйственно-территориальным реформам 1867–1868 гг. «открывало перед царским правительством свободный путь для дальнейшей колонизации края» (Курьлев, 1998: 70).

В монографии американской исследовательницы Вирджинии Мартин «Закон и обычай в Степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX веке» (2012) рассматриваемый вопрос изучается прежде всего с точки зрения влияния принятых и реализованных российскими властями административно-правовых мер на социальное, экономическое, а также правовое положение местного населения (Мартин, 2012: 80, 94).

4. Результаты

Колонизация Степи с далеко идущими стратегическими целями со стороны Российской империи началась еще в XVII веке. Первым укрепленным пунктом стала слободка Чернолуцкая, устроенная в 1670 году в 50 верстах от впадения реки Омь в Иртыш (Остафьев, 2007: 7). Известно, что вслед за казачьей колонизацией шло и стихийное проникновение крестьян в различные регионы Казахского края. Данный процесс особенно усилился, начиная с 20-х гг. XIX в., например, в юго-восточные регионы края – Семиреченскую область – «Жетысу, заселявшиеся в 40-х гг. XIX в. исключительно казаками, в 60-х гг. по инициативе губернатора области Г.А. Колпаковского было разрешено размещение крестьян «в целях обрусения края» (История Казахстана с древнейших времен до наших дней..., 2000: 426). Другой генерал-губернатор Западной Сибири – Гасфорт – еще в далеком 1853 году до объявления казахских земель государственной собственностью российской короны во всеуслышанье заявил, что все земли в пределах России, которые населяют казахи, не являются их собственностью, а принадлежат правительству, которое позволяет казахам кочевать на этих землях, охраняет их своими войсками (Сулейменов, 1963: 97). Все же всеобщее проникновение крестьян на территорию Казахского края началось после известных реформ 1867–1868 гг., когда колониальные власти официально утвердили положение о казахских землях как об объекте государственной собственности Российской империи. И надо сказать, что Гасфорт не был одинок в своей позиции. Таким образом, при активной поддержке ряда генерал-губернаторов степных областей в конце 60-х – 70-х гг. XIX в. шло интенсивное крестьянское и казачье заселение края (Остафьев, 2007: 20).

Первые самовольные крестьянские поселки возникли в 1860-е гг. в Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской областях (Остафьев, 2007: 20). Однако появилась принципиально новая форма взаимоотношений между кочевниками и пришлым крестьянством и казаками. Речь идет о возникновении арендных отношений. Теперь, как отмечает Е.В. Тарасова, особенностью этого периода была передача земель кочевников переселенцам на основе договоренностей (Тарасова, 2013: 204). Следует отметить, что в целях предотвращения стихийной земельной колонизации власти еще в начале 60-х гг. XIX в. начали принимать ряд законодательных актов, призванных упорядочить процесс переселения русских крестьян в Казахский край. Так, вопрос о возможности колонизации казахских земель впервые был поставлен в середине 60-х гг. XIX в. в ходе подготовки указанных выше административно-правовых и хозяйственно-территориальных реформ. В этой связи, в частности, 2 февраля 1865 года была образована «Степная комиссия» под председательством полковника Гирса, а 5 июля 1865 года император Александр II поручил разработать программу будущего устройства управления Казахским краем. В программе также предусматривался вопрос об изучении и описании возможности массового заселения территории степных областей (Сулейменов, 1963: 34).

11 июля 1867 года Александр II издал указ об утверждении «Временного положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях». 21 октября 1868 года царское правительство обнародовало «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств». В результате этих административно-правовых актов, как писал исследователь Б. Сулейменов, вся территория Казахстана была разделена на три генерал-губернаторства: Туркестанское, Оренбургское и Западно-Сибирское. При этом территория бывшего Букеевского ханства (в 1872 году) отошла в состав Астраханской губернии. Мангышлакское приставство отошло в ведение Кавказского военного округа, а затем – в состав Закаспийской области (Сулейменов, 1963: 40).

Главной целью этих реформ было объединение подвластных России народностей под единое управление, создавшее для российских властей благоприятные институциональные условия для устранения, с одной стороны, власти местной аристократии, с другой – максимального ослабления родоплеменных форм самоорганизации кочевников. На основе этих реформ в Казахстане была

введена единая административная система управления, были предприняты первые шаги на пути ликвидации традиционного судопроизводства и т.д. Как отмечалось выше, вследствие перехода всей территории Казахского края в собственность российской короны, теперь земельные угодья передавались в распоряжение казахских общин лишь на правах пользования. Как отмечалось в особом журнале Комитета министров Российской империи от 8 октября 1868 года, «земли, занимаемые киргизскими (казахскими – Авт.) кочевьями, признать государственными, предоставленными киргизам (казахам – Авт.) в общественное пользование, собственниками же признать лиц, коим земли были и будут высочайше пожалованы. Киргизам (казахам – Авт.) предоставить общие правила сельских обывателей Империи по их состоянию, сохраняя их внутренний быт по народным обычаям и подтверждая уже существующее в законе право освобождения от рекрутской повинности» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3357. Л. 27, 32-34). Тем самым царское правительство лишило привилегированную часть казахского населения в лице султанов, биев (глав традиционного судопроизводства у казахов), батыров (военного сословия у кочевников), баев (крупных скотовладельцев), аксакалов (старейшин родов) и рубасы (глав родов) права распоряжаться по своему усмотрению пастбищами. Реформами также отменялись и все права и привилегии сословия султанов. Теперь они наравне с другими социальными категориями кочевого социума были причислены к «сельским обывателям», то есть к крестьянам (Курьлев, 1998: 70).

Во время подготовки Временного положения 1868 года предварительно в 1865 году в Степь была командирована особая комиссия, которая посчитала деление казахов на роды, отделения и подотделения неудобным в административном и политическом отношении, поскольку-де препятствовало осуществлению централизованного управления со стороны колониальных властей. К подобного рода начинаниям весьма критически относилось немало местных представителей колониальных властей и исследователей местного быта и культуры «инородцев». Один из критиков указанных административно-правовых мер Н. Петропавловский даже выразил свое категорическое несогласие с распространенным среди российских чиновников мнением о том, что многочисленные родовые структуры «раскинуты на значительном пространстве и что соединение большого рода под властью одного родоначальника может быть вредно в политическом отношении» (Петропавловский, 2007: 46).

Отметим, что ситуация в Казахской степи после введения в действие административной реформы продолжала обсуждаться и в дальнейшем, даже на уровне правительства Российской империи, что объясняется чрезвычайной сложностью процесса реализации указанных реформ, особенно в организационно-политическом отношении. Тем не менее процесс осуществления ключевых положений реформ шел достаточно активно, хотя и сопровождался рядом сложностей, прежде всего проявившихся во взаимоотношениях властей с видными представителями кочевой аристократии – султанами, биями, нередко крупными скотовладельцами и главами родоплеменных общин. Так, на заседании Комитета министров 8 июля 1869 года с удовлетворением отмечалось, что «...к 15 февраля текущего года во вновь открытых областях уже сформировано было 25 волостей из 51174 кибиток; во всех этих волостях новое Положение вполне введено в действие, причем киргизы (казахи – Авт.), особенно прилинейные, хорошо поняли Всемиловейше дарованные им права...» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3410). При этом российские власти не скрывали, что одной из целей реформы являлось ослабление позиций казахской верхушки (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3419. Продолж. 1. Л. 278-279).

Одним из нормативно-правовых оснований для массовых изъятий земель у казахов, помимо созданных правовых механизмов, стали утверждения о том, что огромные площади земель оказались в фактическом владении отдельных социальных групп и родовой аристократии. В частности, представитель управления землеустройством и земледелием князь Васильчиков в своем докладе утверждал, что: «...отдельные богатые представители родов завладели лучшими землями и в неизмеримо большем количестве, чем рядовая киргизская (казахская – Авт.) масса» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9009. Л. 25).

После образования Комитета Сибирской железной дороги встал вопрос о дальнейшем изъятии части земель у казахов, поскольку одной из обязанностей указанного Комитета являлось содействие заселению территорий, которые прилегали к дороге. В 1896 г., как уже отмечалось выше, в казахские степи была направлена экспедиция под руководством Ф. Щербины. Ее результаты стали уже приводить в качестве хозяйственно-экономического и юридического обоснования для того, чтобы провести на этот раз уже массовое изъятие «пустующих земель» у казахского населения. В этом же году в составе Министерства внутренних дел Российской империи было образовано Переселенческое управление, к функциям которого были отнесены выдача разрешений на переселение, внесение предложений о совершенствовании миграционного законодательства, а также руководство процессом заселения русских и украинских переселенцев в заранее установленные для них регионы (Тарасова, 2013: 204). Во избежание стихийного переселения крестьян в различные регионы степных областей края колониальным властям пришлось принять ряд других мер, направленных на определение тех так называемых «свободных земель», куда должен был быть заселен заранее оговоренный контингент переселенцев (Остафьев, 2007: 5).

Тем не менее, несмотря на все старания российских властей предотвратить неорганизованное переселение из глубин Российской империи на территорию Казахского края, оно продолжалось. И надо сказать, что власти не напрасно опасались негативных последствий этого, во многом стихийного, в сущности не управляемого в то время, процесса. Он был чреват не только тем, что приводил к дальнейшему сокращению пастбищных и сенокосных угодий, являвшихся основой основ жизнедеятельности кочевого населения, но и резким обострением и без того непростых на тот момент межэтнических отношений. Социально-экономический и политический контекст сложившихся ситуаций на данном отрезке исторического времени достаточно хорошо объясняет причины принятия следующего, хотя несколько и запоздалого, закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казанские земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время», принятого 13 июля 1889 года. В указанном законе было установлено, что для переселения крестьян необходимо разрешение Министерства внутренних дел Российской империи. Крестьяне, которые переселились самостоятельно, обязывались вернуться в прежние места их проживания. Кроме того, согласно нормам данного закона одним из важнейших условий для переселения крестьян стало наличие свободных государственных земель в Степном крае (Токмурзаев, 2018: 55). Между тем колониальные власти продолжили запретительные меры, направленные на дальнейшее ограничение прав и возможностей местного населения пользоваться бывшими пастбищными и сенокосными угодьями, попавшими впоследствии по распоряжению властей в разряд так называемых особых категорий земельных участков. Так, в соответствии с принятыми актами нормативно-правового характера власти ввели ограничения на занятие казахскими общинами, в частности, территорий приисков. Например, такая ситуация имела место в Акмолинской области в связи с использованием земельного участка, занимаемого одним из золотосодержащих приисков. Согласно архивным данным, несмотря на исконную принадлежность зимовочного земельного участка с золотосодержащим прииском кочевникам, власти приняли решение оставить эту территорию в распоряжении казны, то есть в государственной собственности, обязав при этом казахов снести призимовочные постройки (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 8527. Л. 5, 50б.).

Следует сказать, что подобные «типичные» случаи были нередки в деле регулирования земельных отношений между казахскими общинами и властями. Вероятно, именно этим обстоятельством следует объяснить принятие властями ряда нормативно-правовых мер, направленных на конкретизацию порядка изъятия участков из системы землепользования казахских общин, разумеется, преимущественно в пользу переселенцев и государства. Так, в Циркулярном распоряжении степного генерал-губернатора от 1 мая 1908 года особо оговаривалась необходимость предупреждения казахского населения о том, что «земельные изъятия из них для цели образования переселенческих участков производятся в установленном законе и правительственных распоряжениях порядке и по особому, мною (Степным генерал-губернатором – Авт.) утвержденному плану, а потому всякое противодействие производству указанных работ, а тем более соединенное с насилием по отношению к кому-либо из чинов партии мною будет караться по всей строгости законов» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9000. Л. 650б.).

В полном соответствии с идеологией и практикой данного и других тому подобных распоряжений властей на уровне регионов разрабатывались специальные планы, включавшие перечень действий при проведении землеотводных работ. К примеру, «План землеотводных работ в районах Тургайско-Уральском, Акмолинском, Семипалатинском» в 1908 году предусматривал ряд действий. В интересующем аспекте выделим последнюю часть данного «Плана...», содержание которой достаточно определенно характеризует изначальную заинтересованность властей в изъятии так называемых «излишних земель» в пользу казны и переселенцев: «...проложение проектных границ в натуре; это последнее действие носило обязательный характер при отводе земель в районах казахского и старожилого землепользования в момент предъявления участка в натуре заинтересованным лицам и имело лишь формальное значение при отводе участка из свободных казенных пространств» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 8527. Л. 67-670б.).

Таким образом, продолжительная по времени и наступательная по характеру колонизация казахских земель привела к существенному разрушению сложившейся веками системы землепользования у казахов-кочевников. В контексте сказанного следует особо отметить, что с установлением административных границ между областями, начиная с 70-х гг. XIX в., особенно сильно сократилась и амплитуда кочевания как один из системообразующих компонентов производственного процесса в кочевой среде. В этой связи весьма характерны следующие сведения из «Материалов...» по Зайсанскому уезду: «Лет 20 назад, когда [кочевники-казахи] были побогаче, кочевали далеко... С 1872 года после проведения границы между Семипалатинской и Семиреченской областями начали кочевать по Тарбагатайскому хребту», то есть сильно сокращенным путем (Примечания к пообщинным таблицам. Зайсанский уезд, 1909: 122-123).

Эти и другие тому подобные коренные трансформации структурно-функциональных параметров кочевого общества казахов, прежде всего, означают существенное изменение традиционных социальных отношений. Как следствие этого участились столкновения между родами и даже между отдельными личностями, нередко приводившие к нарушению межродовых отношений

как основополагающих факторов стабильного функционирования традиционного общества казахов. Приведем следующий весьма «типичный» пример, поскольку он, в сущности, достаточно характерен и для всех регионов Казахского края. Как отмечается в «Материалах...» по Петропавловскому уезду, казахские аулы I и II старшинств имели земли в общем нераздельном пользовании: здесь стояли с месяц весной перед тем, как кочевать на джайляу; по березовым колкам косили сено; зимой совместно пасли лошадей. Земли было вдоволь, и эта полоса не возбуждала никаких раздоров между пользующимися ею родами. Но вот образовались переселенческие поселки: Николаевский, Ильинский и Александровский. Стало тесно. Тогда II-е старшинство, пользуясь численным превосходством, постепенно вытеснило с общих пастбищ I-е старшинство, образовало здесь ряд кузеу [осенних пастбищ] и новых кстау [зимовок], преграждая этим I-му старшинству дорогу на джайляу [летние пастбища]; вытеснило даже с некоторых пастбищ, издавна находившихся в исключительном пользовании I-го старшинства ([Примечания к пообщинным таблицам. Петропавловский уезд, 2008: 28](#)). Еще один пример по данному уезду, который отражает, помимо вышеотмеченных межродовых столкновений, и искусственно созданную властями кабальную зависимость прежних землевладельцев-кочевников от сравнительно недавно поселившихся на их земле казаков: «...два аула из рода тлен ранее зимовали на землях, отошедших под Надеждинский казачий поселок; после этого долгое время жили на казачьих землях, платя аренду. По распоряжению Акмолинского губернатора им были отведены кыстау [зимовки], которые до этого служили им летовками. Едва успели основаться на новых местах, как другие аулы II старшинства начали оспаривать у них урочища Кындыкты и Талды-куль» ([Примечания к пообщинным таблицам. Петропавловский уезд, 2008: 29](#)).

В то же время изъятие так называемых «излишков» земель в пользу переселенцев и казны, приведших к вышеотмеченным изменениям в кочевом социуме в конечном счете имели весьма негативные последствия и для межэтнических отношений. Это выразилось, в частности, в участившихся в рассматриваемый период столкновениях между местным и пришлым населением. Например, в описаниях поселков на одном из участков Кокчетавского уезда за 1900 год говорится: «Великороссы из мещан Кокчетавских и часть хохлов, прибывших после. С киргизами (казахами – Авт.) часто ссорятся, так как на пахоте приходится ехать через киргизские (казахские – Авт.) земли; является чересполосность и постоянные недоразумения», «великороссы (из мещан г. Кокчетав), прибывшие хохлы. С киргизами (казахами – Авт.) недоразумения из-за того, что рядом с селом киргизская (казахская – Авт.) земля» ([ГААО. Ф. 1115. Оп. 13. Д. 16. Л. 3](#)).

Вместе с тем вышеуказанные изменения в традиционной системе землепользования у местного населения имели и положительные последствия в долгосрочной перспективе, что выразилось, прежде всего, в переходе существенной части кочевников к оседлому образу жизни. Эта безусловно прогрессивная тенденция привела к образованию стационарных поселений, можно сказать, в массовом масштабе во всех регионах Казахстана, особенно в тех экологических зонах, которые традиционно считались прежде пригодными лишь для кочевого образа жизни. Речь идет в особенности об аридных и субаридных территориях северных, северо-западных, северо-восточных, восточных, отчасти юго-восточных регионов Казахского края, образующих основные ареалы возникновения и функционирования так называемого классического нomaдизма центральноазиатского типа. Приведем пример. Как отмечается в «Материалах повторного статистического обследования...» казахского хозяйства и землепользования в Кокчетавском уезде Акмолинской области, «киргизское (казахское – Авт.) население Кокчетавского уезда в строгом смысле слова нельзя вполне назвать кочевым, потому что половину года и даже больше с октября по апрель и май оно пребывает в постоянных аулах и в этот период только часть скота посылает с особыми пастухами в отгонки» ([ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9009. Л. 33](#)). В интересующем в данном случае аспекте также весьма характерны оперируемые вышеупомянутым исследователем П.П. Румянцевым следующие сведения: по мере появления и умножения русских поселений резко возросла потребность казахского населения закрепить за собой право пользования определенной территорией для ведения прежде не характерного для кочевников земледельческого хозяйства. В это время местное население даже в северной части казахского края стало проводить зиму в зимовках (кстау) в постоянных своих собственных жилищах, и что особенно важно, с прилегающей собственной территорией. Постепенно данная тенденция распространялась на осенние, весенние и летние пастбища, где возникали постоянные жилища с хозяйственными постройками и прилегающей территорией, которые уже находились в постоянном пользовании как объекты личной собственности ([Румянцев, 2007: 124-125](#)).

Следует отметить, что эти и другие подобные изменения, в сущности, означают, говоря словами П.П. Румянцева, постепенное превращение натурального скотоводческо-кочевого хозяйства казахов в товарно-денежное с переходом к новым формам – оседло-скотоводческой и оседло-земледельческой. Как писал тот же автор, среди казахов появляются новые группы населения, не имеющие ничего общего со старыми родовыми и феодально-сословными делениями ([Румянцев, 1907: 108-109](#)).

5. Заключение

Изложенный материал позволяет сделать следующие обобщающие выводы: произошедшие изменения в системе традиционного землепользования у казахов-кочевников, особенно усилившиеся во второй половине 90-х гг. XIX в. – первом десятилетии XX в. ознаменовали собой завершающий этап всего процесса реализации российскими властями административно-правовых и хозяйственно-территориальных реформ 60-х – начала 90-х гг. XIX в. практически во всех сферах жизнедеятельности традиционного казахского общества. Эти изменения привели к коренной трансформации основных структурно-функциональных параметров, прежде всего жизнеобеспечивающей системы общины как главной формы самоорганизации казахов-кочевников. Это выразилось в переходе части коренного населения к оседлому образу жизни, впоследствии ставшему привычной нормой для казахского народа.

Литература

- Бекмаханов, 1957** – Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 343 с.
- Введение, 1908** – Введение // Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Сыр-Дарьинской статистической партией. Ташкент, 1908. Т. I. Сыр-Дарьинская область, Чимкентский уезд. С. 4-13.
- Букейханов, 2007** – Букейханов А.Н. Киргизы // Букейханов А.Н. Казахи: историко-этнографические труды. Астана, 2007. Т. 14. С. 5-44.
- Галузо, 1965** – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука. 1965. 346 с.
- История Казахстана..., 2000** – История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 3. Алматы: Атамұра, 2000. 766 с.
- Курьлев, 1998** – Курьлев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – XX век). СПб., 1998. 306 с.
- Мартин, 2012** – Мартин В. Закон и обычай в Степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX веке. Алматы: Центр оперативной печати КазАТ иСО, 2012. 282 с.
- Общий очерк, 1905** – Общий очерк // Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. СПб., 1905. Т. IX. Семипалатинская область, Усть-Каменогорский уезд. С. 1-99.
- Остафьев, 2007** – Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // *Вопросы землепользования в казахской этнографии* / 2-е изд., доп. Астана, 2007. С. 5-35.
- Петропавловский, 2007** – Петропавловский Н. Очерк землевладения // *Вопросы землепользования в казахской этнографии* / 2-е изд., доп. Астана, 2007. С. 36-111.
- Примечания к пообщинным таблицам** – Примечания к пообщинным таблицам / *Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей*. Чернигов, 1908. Т. XII. Акмолинская, Петропавловский уезд. С. 1-92.
- Примечания к пообщинным таблицам** – Примечания к пообщинным таблицам / *Материалы по киргизскому землепользованию, собранные экспедицией по исследованию степных областей*. СПб., 1909. Т. VIII. Семипалатинская область, Зайсанский уезд. С. 1-153.
- Румянцев, 1909** – Румянцев П.П. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем // *Вопросы колонизации: периодический сборник*. 1909. № 5. С. 79-138.
- Румянцев, 1910** – Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. 66 с.
- Сулейменов, 1963** – Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX – начале XX в. (1867–1907 гг.). Алма-Ата: Издательство АН Казахской ССР, 1963. 412 с.
- Тарасова** – Тарасова Е.В. Влияние переселенческого движения на земельные отношения в Степном крае и Туркестане в конце XIX – начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. 4(80). Т. 2. С. 203-206.
- Токмурзаев** – Токмурзаев Б.С. Степной край в имперской политике аграрной колонизации России (вторая половина XIX – XX век). Жетысай, 2018. 171 с.
- Тронов, 1891** – Тронов В.Д. Материалы по антропологии киргиз. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1891.
- Успенский, 1907** – Успенский А. Влияние колонизации на киргизское хозяйство // *Вопросы колонизации: периодический сборник*. 1907. № 2. С. 29-43.
- Хворостанский, 1907** – Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // *Вопросы колонизации: периодический сборник*. 1907. № 1. С. 53-104.
- Чиркин, 1907** – Чиркин Г. Землеустройство киргиз в связи с колонизацией степи // *Вопросы колонизации: периодический сборник*. 1907. № 2. С. 44-68.
- Шкапский, 1907** – Шкапский О. На рубеже переселенческого дела // *Вопросы колонизации*. 1907. № 1. С. 112-137.
- Шкапский, 2007** – Шкапский О. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса // *Вопросы землепользования в казахской этнографии* / 2 изд., доп. Астана, 2007. С. 139-166.

- Щербина, 1902 – Щербина Ф. Исследования степных областей // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1902. № 3. С. 321-339.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ГААО – Государственный архив Ақмолинской области.
- Alimbay, Orynbayeva, 2019 – Alimbay N., Orynbayeva G.U. Kazakh Traditional Village in the Works of Russian Scientists (late XIX – early XX century). *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51, Is. 1, pp. 337-347.

References

- Alimbay, Orynbayeva, 2019 – Alimbay, N., Orynbayeva, G.U. (2019). Kazakh Traditional Village in the Works of Russian Scientists (late XIX – early XX century). *Bylye Gody*. 51(1): 337-347.
- Bekmakhanov, 1957 – Bekmakhanov, Ye.B. (1957). Prisoedineniye Kazakhstana k Rossii [Accession of Kazakhstan to Russia]. Moscow, 343 p. [in Russian]
- Bukeykhanov, 2007 – Bukeykhanov, A.N. (2007). Kirgizy [The Kazakhs]. Kazakhi: istoriko-etnograficheskie trudy. Astana. Vol. 14, pp. 5-44. [in Russian]
- Chirkin, 1907 – Chirkin, G. (1907) Zemleustroystvo kirgiz v svyazi s kolonizatsiyey stepi [Land management of the Kazakhs in connection with the colonization of the steppe]. *Voprosy kolonizatsii: periodicheskii sbornik*. 2: 44-68. [in Russian]
- ГААО – Gosudarstvennyy arkhiv Akmolinskoy oblasti [State archive of Akmola Region].
- Galuzo, 1965 – Galuzo, P.G. (1965). Agrarnye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867-1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867-1914]. Almaty, 346 p. [in Russian]
- Istoriya Kazakhstana..., 2000 – Istoriya Kazakhstana s drevneyshih vremen do nashih dnei. V pyati tomah (2000) [The history of Kazakhstan from the ancient time to our days. 5 Volumes]. Almaty, Vol. 5, 766 p. [in Russian]
- Khvorostansky, 1907 – Khvorostansky, P. (1907). Kirgizsky vopros v svyazi s kolonizatsiyey stepi [The Kyrgyz question in connection with the colonization of the steppe]. *Voprosy kolonizatsii: periodicheskii sbornik*. 1: 53-104 [in Russian]
- Kurylev, 1998 – Kurylev, V.P. (1998). Skot, zemlya, obshchina u kochevykh i polukochevykh kazakhov (vtoraya polovina XIX – XX v.). [Livestock, land, community among nomadic and semi-nomadic Kazakhs (second half of the 19th – 20th centuries)]. SPb., 306 p. [in Russian]
- Martin, 2012 – Martin, V. (2012). Zakon i obychay v Step'i: kazakhi Srednego zhuza i rossysky kolonializm v XIX veke [Law and custom in the Steppe: Kazakhs of the Middle Zhuz and Russian colonialism in the 19th century]. Almaty, 282 p. [in Russian]
- Obshchy ocherk, 1905 – Obshchy ocherk (1905) [General outline]. Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei. SPb., 1905. T. IX. Semipalatinskaya oblast', Ust'-Kamenogorskii uезд. Pp. 1-99. [in Russian]
- Ostafyev, 2007 – Ostafyev, V. (2007). Kolonizatsiya stepnykh oblastey svyazi s voprosom o kochevom khozyaystve [Colonization of the steppe regions in connection with the issue of nomadic economy]. *Voprosy zemlepol'zovaniya v kazakhskoi etnografii*. 2-e izd., dop. Astana. Pp. 5-35. [in Russian]
- Petropavlosky, 2007 – Petropavlovsky, N. (2007). Ocherk zemlevladieniya [Sketch of land tenure]. *Voprosy zemlepol'zovaniya v kazakhskoi etnografii*, Astana, pp. 36-111. [in Russian]
- Primechaniya k poobshchinnym tablitsam (1909) [Community Tables Notes]. *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei*. SPb., 1909. T. VIII. Semipalatinskaya oblast', Zaisanskii uезд. Pp. 1-153. [in Russian]
- Primechaniya k poobshchinnym tablitsam, 1908 – Primechaniya k poobshchinnym tablitsam (1908) [Community Tables Notes]. *Materials on Kazakh land use, collected and developed for the study of steppe regions*. Chernigov, Vol. XII, pp. 1-92. [in Russian]
- РГИА – Rossysky gosudarstvennyy istorichesky arkhiv [Russian state historical archive].
- РГИА – Rossysky gosudarstvennyy istorichesky arkhiv [Russian state historical archive].
- РГИА – Rossysky gosudarstvennyy istorichesky arkhiv [Russian state historical archive].
- РГИА – Rossysky gosudarstvennyy istorichesky arkhiv [Russian state historical archive].
- Rumyantsev, 1909 – Rumyantsev, P.P. (1909) Sotsialnoye stroyeniye kirgizskogo naroda v proshlom i nastoyashchem [The social structure of the Kazakh people in the past and present]. *Voprosy kolonizatsii: periodicheskii sbornik*. 5: 79-138. [in Russian]
- Rumyantsev, 1910 – Rumyantsev, P.P. (1910). Kirgizsky narod v proshlom i nastoyashchem [Kyrgyz people in the past and present]. SPb., 66 p. [in Russian]

- Shcherbina, 1902** – *Shcherbina, F.* (1902). Issledovaniya stepnykh oblastey [Studies of the steppe regions]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*. 3: 321-339. [in Russian]
- Shkapsky, 1907** – *Shkapsky, O.* (1907). Na rubezhe pereselencheskogo dela [At the turn of the resettlement case]. *Voprosy kolonizatsii*. 1: 112-137. [in Russian]
- Shkapsky, 2007** – *Shkapsky, O.* (2007). Nekotorye dannye dlya osveshcheniya kirgizskogo voprosa [Some data for the coverage of the Kyrgyz issue]. *Voprosy zemlepol'zovaniya v kazakhskoi etnografii*. Astana, pp. 139-166. [in Russian]
- Suleymenov, 1963** – *Suleymenov, B.* (1963). Agrarny vopros v Kazakhstane v posledney treti XIX – nachala XX v. (1867–1907 gg.) [The agrarian question in Kazakhstan in the last third of the XIX – early XX centuries (1867–1907)]. *Almaty*, 412 p. [in Russian]
- Tarasova, 2013** – *Tarasova, Ye.V.* (2013). Vliyaniye pereselencheskogo dvizheniya na zemelnye otnosheniya v Stepnom kraye i Turkestane v kontse XIX – nachale XX v. [The influence of the resettlement movement on land relations in the Steppe Territory and Turkestan in the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(80). 2: 203-206. [in Russian]
- Tokmurzayev, 2018** – *Tokmurzayev, B.S.* (2018). Stepnoy kray v imperskoy politike agrarnoy kolonizatsii Rossii (vtoraya polovina XIX – XX veka) [Steppe region in the imperial policy of agrarian colonization of Russia (second half of the 19th - 20th centuries)]. *Zhetysay*, 171 p. [in Russian]
- Tronov, 1891** – *Tronov, V.D.* (1891). Materialy po antropologii kirgiz [Materials on the anthropology of Kazakhs]. *SPb.: Parovaya skoropechatnya P.O. Yablonskogo*, 34 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentralny gosudarstvenny arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].
- TsGA RK** – Tsentralny gosudarstvenny arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].
- TsGA RK** – Tsentralny gosudarstvenny arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].
- TsGA RK** – Tsentralny gosudarstvenny arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].
- Uspensky, 1907** – *Uspensky, A.* (1907). Vliyaniye kolonizatsii na kirgizskoye khozyaystvo [The impact of colonization on the Kyrgyz economy]. *Voprosy kolonizatsii: periodicheskii sbornik*. 2: 29-43. [in Russian]
- Vvedeniye, 1908** – *Vvedeniye* (1908) [Introduction]. Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye Syr-Dar'inskoi statisticheskoi partiei. Tashkent, Vol. I. Pp. 4-13. [in Russian]

Коренные изменения традиционной системы землепользования у казахов-кочевников в контексте колониальной политики Российской Империи (конец XIX – начало XX вв.): факторы и последствия

Нурсан Алимбайұлы Алимбай ^{a, *}, Болат Кудайбергенович Смагулов ^b

^a Центральный государственный музей Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (КН МОН РК), Республика Казахстан

Аннотация. В статье анализируются основные факторы и последствия радикальных изменений традиционной системы землепользования у казахов-кочевников. В этой связи рассматривается комплекс социально-экономических и административно-правовых мер, направленных на колонизацию казахских земель в составе Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Анализ разнохарактерных источников показывает, что именно эти факторы привели практически к разрушению, прежде всего, традиционной системы землепользования у кочевников. Это выразилось в том, что, с одной стороны, резко сократились площади пастбищных угодий, с другой – практически разрушились сложившиеся веками традиционные способы эксплуатации кормовых и водных ресурсов родовой территории. Как следствие этого произошли сильные изменения и в структуре социальных отношений в кочевой среде. При этом особое внимание уделяется изучению «Материалов по киргизскому землепользованию, собранных и разработанных экспедицией по исследованию степных областей», организованному российскими властями в течение 1896–1902 гг. Вместе с тем процесс экспедиционного обследования казахских хозяйств и собранные материалы в результате этого мероприятия рассматриваются не только как уникальный источник, но и в качестве составной части тех мер, которые послужили экономическому обоснованию изъятия российскими властями так называемых «излишков» земель у казахов-кочевников. Источниковую базу статьи составляют разнообразные данные как казахстанских, так и российских архивов,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: burgan555@gmail.com (Н.А. Алимбай), bolat_alemdar@mail.ru (Б.К. Смагулов)

официальных периодических изданий, а также статистические сведения и материалы, содержащиеся в различных изданиях рассматриваемого периода. На основе анализа этих категорий источников сделан вывод, что колонизация казахских земель оказала не только негативное влияние на различные стороны жизни казахского социума но и имела положительные стороны, выразившиеся прежде всего в появлении и утверждении оседлого образа жизни практически во всех регионах Казахского края.

Ключевые слова: история Казахстана, кочевой социум, колонизация земель, переселения крестьян, казачья колонизация, традиционная система землепользования, хозяйство казахов, административно-правовые и хозяйственно-территориальные реформы, экспедиция по обследованию степных областей, земельные «излишки».